

**ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**СЛАВЯНСКОЕ
И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
Вып. 25

ПАЛЕОСЛАВИСТИКА – 6

**Ответственный редактор
В. С. ЕФИМОВА**

**Москва
2025**

УДК 811.16

ББК 81.41

С 47

Редколлегия выпуска / Editorial board of the issue

д-р филол. наук В. С. Ефимова (ответственный редактор) /

DSc. (Philology) Valeriya S. Efimova (Executive Editor),

канд. ист. наук А. А. Турилов / PhD. (History) Anatolij A. Turilov

Редколлегия серии / Editorial board of the series

д-р филол. наук А. Ф. Журавлев (ответственный редактор) /

DSc. (Philology) Anatolij A. Zhuravlev (Executive Editor),

д-р филол. наук В. С. Ефимова / DSc. (Philology) Valeriya S. Efimova,

д-р филол. наук И. А. Сedaкова / DSc. (Philology) Irina A. Sedakova,

д-р филол. наук, акад. РАН С. М. Толстая /

DSc. (Philology), Acad. RAS Svetlana M. Tolstaya,

д-р филол. наук Т. В. Цивьян / DSc. (Philology) Tatjana V. Tsivjan

Рецензенты / Reviewers

канд. филол. наук И. И. Макеева / PhD. (Philology) I. I. Makeeva,

канд. филол. наук И. В. Вернер / PhD. (Philology) Inna V. Verner

С 47 Славянское и балканское языкознание. Вып. 25: Палеославистика – 6: Международная коллективная монография / Отв. ред. В. С. Ефимова. Москва: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2025. – 312 с.

Том «Палеославистика – 6» серии «Славянское и балканское языкознание» представляет собой монографию международного коллектива авторов. Разделы коллективной монографии посвящены обсуждению новейших результатов текущих исследований славянских рукописей X–XIV вв. – их языка, текстологии и палеографии.

The volume of the “Slavic and Balkan Linguistics” series presents the monograph “Palaeoslavistica – 6” written by the international team of researchers. The sections of the co-authored monograph are devoted to the latest results of the ongoing research of the Slavic manuscripts written in the 10th–14th centuries, their language, textology, and palaeography.

ISSN 2658-3372

ISBN 978-5-7576-0525-8

DOI: 10.31168/2658-3372 (серия)

DOI: 10.31168/2658-3372.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025

© Коллектив авторов, 2025

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Предисловие / Preface.....	7
<i>Виктор Савич</i> . Будапештский глаголический отрывок: новые взгляды <i>Viktor Savić</i> . Budapest Glagolitic Fragment: New Perspectives.....	13
<i>А. Д. Паскаль</i> . Неизвестный фрагмент славяно-молдавского списка молитвы Богородице Петра Черноризца <i>Alexander D. Pascal</i> . Unknown Fragment of the Slavonic-Moldavian Copy of the Prayer to the Virgin Mary by Peter Chernorizets.....	45
<i>К. В. Вершинин</i> . Компиляция об Антихристе в Скалигеровом патерике XIII в. <i>Konstantin V. Vershinin</i> . Compilation about the Antichrist in the Scaliger Patericon of the 13 th Century.....	58
<i>Г. С. Баранкова</i> . Какой список Шестоднева лег в основу Архивского Хронографа? <i>Galina S. Barankova</i> . Which Hexaemeron Copy Formed the Basis of the Archive Chronograph?	77
<i>А. В. Сизиков</i> . Ранняя редакция древнейшего перевода книги Сираха в поздних списках <i>Aleksandr V. Sizikov</i> . An Early Edition of the Oldest Slavonic Translation of Ben Sira in Later Copies.....	98
<i>Йоханнес Райнхарт</i> . Хорватская традиция апокрифа «Прение Иисуса с дьяволом» (BHG 812f-g) <i>Johannes Reinhart</i> . The Croatian Tradition of the Apocryphon Iesu Contentio cum Diabolo (BHG 812f-g).....	119
<i>Виктория Легких</i> . Служба святым страстотерпцам Борису и Глебу как модель русской княжеской службы <i>Victoria Legkikh</i> . Service to SS. Boris and Gleb as a Model of Russian Princely Service.....	134
<i>Барбара Ломаджистро</i> . К вопросу о жанре Толковой Палеи <i>Barbara Lomagistro</i> . Some Remarks on the Paleya Tolkovaya Literary Genre..	170

<i>А. Л. Лифшиц. Афанасий Никитин и его путеводители по Индии</i> <i>Alexander L. Lifshits. Afanasy Nikitin and his Indian Travel Guides.....</i>	195
<i>Г. А. Мольков. Орфографические данные о новгородском пономаре Тимофее</i> <i>Georgiy A. Molkov. Orthographic Data about the Novgorod Sexton Timofey.</i>	206
<i>В. С. Ефимова. К вопросу о десемантизации глаголов творити и сътворити</i> <i>Valeriya S. Efimova. On the Issue of Desemantization of the Verbs tvoriti and sätvoriti.....</i>	222
<i>Я. А. Пенькова. Конструкции с глаголами имѣти, имати и ѣти в древнерусской письменности XIII–XIV вв. в сопоставлении с древнесербской</i> <i>Yana A. Penkova. Constructions with the Verbs iměti, imati and jati in the 13th–14th-century Old Russian Writing in Comparison with Old Serbian.....</i>	238
<i>А. В. Григорьев. Существительные с суффиксом -ьб- в древнерусских рукописях XI–XIV вв.</i> <i>Andrei V. Grigorev. Nouns with the Suffix -ьb- in Old Russian Manuscripts of the 11th–14th Centuries.....</i>	265
<i>Ростислав Станков. Некоторые редкие сложные слова в Хронике Георгия Амартола</i> <i>Rostislav Stankov. Some Rare Composite Words in George Hamartolos' Chronicon.....</i>	276
<i>М. Н. Саенко. Праславянское *lědwj-: реконструкция семантики и формы</i> <i>Michail N. Saenko. Proto-Slavic *lědwj-: Reconstruction of the Semantics and Form.....</i>	283

ВИКТОР САВИЧ

Филологический факультет Белградского университета, Сербия
Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств, Белград,
Сербия

БУДАПЕШТСКИЙ ГЛАГОЛИЧЕСКИЙ ОТРЫВОК: НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ*

1. О памятнике: обнаружение и включение в рукописное собрание

В Национальной библиотеке Венгрии «Сечени» в Будапеште под шифром Duod. Eccl. Slav. 2 (ранее Vet. Slav. Duod. 2) хранится глаголический отрывок, до нынешнего времени ориентировочно датированный XI–XII веками.

Нет достоверных сведений о времени и обстоятельствах обнаружения этого глаголического отрывка; можно даже сказать, что он – учитывая время, когда это произошло – был включен в рукописное собрание Библиотеки «Сечени» в Будапеште несколько таинственным образом. Единственное, что не подлежит сомнению, это то, что

* За обращение к теме данной статьи мы признательны Анатолию Аркадьевичу Турилову, который посоветовал нам в письме (2024) заняться анализом отрывка, прислав также первую качественную чёрно-белую фотографию из DGSC 2000: 36 (C-1), предполагая, что памятник, возможно, связан с сербским культурным наследием (ранее А. А. Турилов определил содержание этого отрывка по просьбе проф. Йоханнеса Райнхарта в 1989 г., следствием чего явилась их совместная работа: Райнхарт, Турилов 1989–1990: 38, примечание 5). Пера Ластич, директор Сербского института в Будапеште, организовал наше пребывание в столице Венгрии 16–17 октября 2024 г. О всех наших нуждах в Библиотеке заботился Золтан Бада, самоотверженный сотрудник Института, благодаря усилиям которого мы получили доступ к оригиналу с полным досье, а немного позже – и к цифровым снимкам памятника и всего сопроводительного материала (см. Савић 2024).

с 28 декабря 1932 года отрывок находился в Библиотеке как дар неназванного лица (см. запись в регистре за 1932 год, № 76).

Косвенно, только из материалов, содержащихся в одном досье с отрывком, мы узнаем – как уже было изложено в литературе – что отрывок какое-то время находился в собственности Вильмоша Фракноя (1843–1924), вскоре после того как он стал четвертым по счету директором Венгерского национального музея (1875–1879)¹, в состав которого тогда входила Национальная библиотека Венгрии «Сечени» (1808–1949) (см. Király 1955: 301–302). Фракной лично обнаружил отрывок, предположительно в переплете экземпляра «Трипартитума» Вербьоци (Király 1955: 312, 330 и примечание 41; Райнхарт, Турилов 1989–1990: 38, примечание 7; Cleminson 2005), первой кайкавско-словенской светской печатной книги. Книга была напечатана в переводе Иваниша Пергошича на «словенский язык» в Неделишче в 1574 году (а не на хорватском, как обычно необоснованно приводится в литературе, например, Király 1955: loc. cit.)².

¹ Вильмош Фракной (Vilmos Fraknói) – выдающийся венгерский историк, исследователь церковного прошлого, происходивший из еврейской семьи с территории современной Словакии, тогда входившей в состав Венгерского королевства в рамках Габсбургской монархии. Он был священником, а затем, в 1892 году, стал титулярным епископом Кркской епархии – региона, который, кстати, тесно связан с происхождением и сохранением большого числа глаголических памятников. В 1897 г. он возглавил все музеи и библиотеки Венгрии, а в Венгерской академии наук занимал должности генерального секретаря и вице-президента.

² Opus Tripartitum представляет собой сборник обычного права Королевства Венгрия в трех частях, составленный венгерским палатином Иштваном Вербьоци (István Werbőczy) между 1504 и 1514 гг., по указу короля Владислава II Ягеллона (издан в Вене в 1517 г.).

Илл. 1. István Werbőczy, Tripartitum opus iuris consuetudinarii inclyti regni Hungariae, 1504–1517. → Decretvm koteroga ie Verbewczy Istvan diachki popisal [...]

Od Ivanvssa Pergossicha na Szlouienski iezik obnien. [...] Stampan v Nedelischu [...]

1574

Как мы считаем, глаголический отрывок был не включен в переплет, а вставлен в книгу для хранения в подходящих условиях – скорее всего, между форзацем и деревянными крышками, так как на пергаменных краях фрагмента – как мы увидели на месте – нет следов последующего сшивания (кроме линии, где отрывок был вставлен в глаголическую книгу, которой он первоначально принадлежал), и нет следов приклеивания (если только весь отрывок не был наклеен своей поверхностью на оборот крышки другой книги (см. Király 1955: 314). Это значит, что происхождение и возникновение этого отрывка не следует автоматически (точнее, механически)

связывать с кайкавской книгой (то есть с сегодняшней окрестностью Загреба), а также не обязательно с более широким западным регионом, поскольку язык памятника соответствует другой области, о чем мы будем говорить ниже (§ 5).

В конце 1876 г. Фракной отправил отрывок Ивану Кукулевичу Сакцинскому (1816–1889) для ознакомления, и тот затем с согласия Фракной передал его Францу Миклошичу (1813–1891), а затем был возвращен в Будапешт. Примерно в то же время, около 1877 года, Иван Бойничич (1858–1925) также ознакомился с отрывком (об этом свидетельствуют материалы досье; см. Király 1955: 301–302).

2. Предыдущая работа по исследованию памятника

Хотя памятник был осмотрен Иваном Кукулевичем, Францем Миклошичем и Иваном Бойничичем, они не публиковали результатов своих исследований. Только Петер Кирай (1917–2015), выдающийся венгерский славист, в 1955 году представил исчерпывающее исследование и опубликовал текст памятника (Király 1955). Кирай в конце своего всестороннего анализа пришел к выводу, что памятник связан с македонским (а, возможно, и сербским) языковым регионом, или даже с моравским, но не с хорватским (Király 1955: 332)³. Исследование вызвало несколько отзывов. Йозеф Курц в журнале «Славия» перенес датировку отрывка на конец XII – начало XIII века, в целом сохраняя локализацию Кирая (Kurz 1957: 413)⁴, хотя в

³ Петер Кирай тщательно рассматривает вопрос происхождения отрывка и в нескольких местах анализирует все доступные возможности. Прежде всего, он отвергает венгерское происхождение – как считал Фракной, – принципиально склоняясь к южнославянскому (Király 1955: 330–331); палеографические соображения приводят его к выводу, что использованная в нем глаголица не относится ни к округлой «болгарско-македонской», ни к угловатой «хорватской» (Király 1955: 321, 331); орфография указывает на сербо-македонские, а, возможно, и мораво-паннонские памятники (Király 1955: 331), в итоге он приходит к заключению, что отрывок «скорее можно соотнести с памятниками македонского (возможно, сербского) или моравского происхождения (...), чем с хорватскими памятниками (...)» (Király 1955: 332).

⁴ Йозеф Курц относит отрывок к «древнейшим памятникам сербохорватской глаголической традиции», которые возникли в означенный период

«Пражском старославянском словаре» во Введении 1959 г. отрывок был неопределенно отнесен к XII в., в группу житийных источников, внутри хорватского глаголического корпуса (SJS I: LXIX, LXXI). Йосип Хамм принял мнение Кирая о том, что памятник был создан в период между XI и первой половиной XII в., и никак не позднее конца XII в., к чему Кирай пришел на основании палеографических данных (Hamm 1957: 378, 379). Хамм также согласился с мнением Ивана Гошева, которое тот высказал Кираю (вероятно, в их личной академической переписке), что отрывок относится к легенде о Макарии Александрийском (точнее, его житию) из Синаксаря (Király 1955: 329–330) или из литургического сборника, приуменьшая вероятность того, что он происходит именно из Синаксаря (Hamm 1957: 378), чтобы обеспечить возможность включения его в хорватский письменный корпус, [в который не входит Синаксарь]. Благодаря этому Хамм, с учетом относительной неопределенности оценки глаголического письма отрывка (с утверждением, что письмо Будапештского отрывка «все же более угловатое, чем письмо отрывка Апостола Гршковица»), особенно подчеркивая тот факт, что отрывок был найден в книге, которая была привезена в Будапешт из Загреба, относит отрывок к хорватским памятникам. Он использует логическое объяснение, что архаичный почерк обычно лучше сохранялся в глубине страны, «где глаголица использовалась меньше, чем на побережье и островах, где глаголица была более укоренена», избегая упоминания того, что в этой «глубинной» местности находилась в первую очередь Сербия (Hamm 1957: 378–379)⁵. И с тех пор (конец

«в землях от Македонии к северу, ссылаясь при этом на слова Вацлава Вондрака (1859–1925) о том, что эти памятники создавались не только на хорватской территории, «но и на сербской, особенно в ее южных и юго-западных частях (в Боснии)» (Kurz 1957: 413).

⁵ Хамм преподносит это так, как будто его мнение не подлежит сомнению, словно речь идет о чем-то само собой разумеющемся: «Думаю, что не так уж много причин оспаривать предположение, что эти листки вполне могли возникнуть и на нашей (хорватской) территории» (Hamm 1957: 378–379). Босния, которую Хамм умышленно упоминает, включая ее как нечто само собой разумеющееся в состав Хорватии, в соответствующий исторический период существенно менее значима, чем Сербия, частью которой она, впрочем, и является – если судить по всем сохранившимся бесспорным

1950-х гг.) до настоящего времени памятник регулярно включался в обзоры старой хорватской литературы (что не ставится под сомнение в КМЕ I, 1985: s. v. *Будапешценски глаголически откъслек* (Б. Велчева); критику необоснованного авторитета мнения Хамма см. Cleminson 2005); на эти обзоры, которые могут лишь повторять или переформулировать его мнение, мы не будем обращать внимания (для ознакомления с некоторыми из них см. Райнхарт, Турилов 1989–1990: 37, примечание 3; наиболее важным является включение в RCJHR 1: XXXIII, 17. FgBud).

Признаться, сам Кирай был сдержан по поводу предложенной идентификации текста, поскольку он не соответствовал греческому оригиналу Египетского Патерика – Лавсаика («отрывок соответствовал тексту легенды в общих чертах, но не в деталях», Király 1955: 330). В 1989 году А. А. Турилову удалось определить содержание Будапештского отрывка: это Житие Симеона Столпника, память которого празднуется 1 сентября по византийскому церковному календарю (см. Lietzmann 1908: BHG 1682; Райнхарт, Турилов 1989–1990: 38, прим. 4), т. е. тогда, когда на Востоке начинается церковный год. В совместном исследовании А. А. Турилова и Йоханнеса Райнхарта, которое вышло в загребском журнале «Слово» за тот же год, были подведены, скорректированы и дополнены предыдущие знания о отрывке, повторено мнение, что фрагмент написан на церковнославянском языке хорватского извода (см. ПЭ 11, 2006: s. v. *Глаголица*, 538–543 (А. А. Турилов)) – прежде всего потому, что он был найден в кайкавском переводе «Трипартитума» Вербьози, были перечислены орфографические и частично языковые обоснования, без обращения к сербской языковой и исторической ситуации. Основываясь на издании Кирая, авторы привели в критическом аппарате чтения еще из семи списков, включая и изданный текст в Великих Четых Минеях митрополита Макария (1868), с выводом, что Будапештский глаголический отрывок «является не только древнейшим сохранившимся хорватско-глаголическим агиографическим текстом, но и старейшим образцом славянского перевода *Жития Симеона Столпника* с греческого», одновременно являясь и самой

источником, и так было с самого начала; вплоть до XII в. она остается миниатюрной территорией в долине одноименной реки, еще далекой от берегов Дрины на востоке и Савы на севере (см. карту – Савић 2025: [7]).

древней редакцией этого текста в славянской традиции, с двумя отклонениями в чтении от архетипа (Райнхарт, Турилов 1989–1990: 43). При датировке также был принят временной интервал XI–XII вв., без уточнения (Райнхарт, Турилов 1989–1990: 43).

Повторяемое мнение Хамма о том, что место находки отрывка является решающим аргументом для его атрибуции, сегодня считается устаревшим, особенно если учесть хорошую аналогию с той же территорией: Гршковичев отрывок Апостола был найден в Врбнике на острове Крк (ныне в Республике Хорватия), а тогда в Австро-Венгрии (Jagić 1893: 37–38), однако орфографический, языковой и культурно-исторический анализ опровергает его и без того с самого начала сомнительное хорватское происхождение⁶ и показывает, что

⁶ Ягич уже высказывался иначе о происхождении отрывка Апостола Гршковича, по сравнению с тем, как это делает позднейшая хорватская наука (отрывок, например, включен в материалы RCJHR 1: XXXI, 2. FgGrš). Аргументы Ягича связаны с языком, орфографией, размерами глаголических букв, церковной принадлежностью и отчасти с палеографией (Jagić 1893: 40–44, 54–56, 102–109). Ягич считал, что памятник был написан не на островах и не на побережье, а где-то в южной Боснии и Герцеговине (Jagić 1893: 40), что это Апостол сербского извода (Jagić 1893: 103), однако по неясным причинам он избегает упоминания Рашки: «Глаголица отрывка Гршковича – прекрасный образец округлого письма, которое было в обиходе в конце XII века в юго-западных землях нашего народа, начиная от Македонии на север – в Дуклю и Травунию, Хум (Захумье) и Боснию» (Jagić 1893: 103). Отрывок Гршковича относится к группе памятников, которые «занимают некую средину между македонской глаголицей и (старшей) хорватской глаголицей, их можно было бы назвать глаголицей боснийской или, еще шире, прямо глаголицей сербской» (Jagić 1893: 110). Хотя сам Ягич противоречит себе, так как первое определение для Хума (южный регион современной ему австро-венгерской Боснии и Герцеговины) не может быть охвачено последующим определением для Боснии XII в., которая расширилась за его пределы только в 1326 – около 1350 гг. (о государственных и историко-географических причинах этого см. примечание 5). Выбор Ягича, сделанный им в пользу Хума, части, населенной православными (сербам) в XII в., оставался актуальным до второй половины XX в. и даже дольше (см. EJ 3, 1958: s. v. *Grškovićev apostol* (Љ. Sp. R.), 627; Трифуновић 2001: 24, 27–28, с обзором проблем датировки и литературой). Конечно,

его происхождение следует связывать с территорией в сотнях километров восточнее – с областью Раса в Сербской земле того же времени (Савић 2019: 194–199)⁷. Особого внимания заслуживает анализ Ральфа Клеминсона, который 25 лет тому назад также исследовал Будапештский отрывок (см. Cleminson 2005; на основе доклада 1999 года), подготовил свое цифровое издание, уточнил, что Житие Симеона Столпника в издании Лицманна, которое идентифицировал А. А. Турилов (Lietzmann 1908: BHG 1682, ср. Райнхарт, Турилов 1989–1990: 38, прим. 4, и 43–44), в наибольшей степени соответствует типу текста, засвидетельствованному в греческой минее X–XI в. для

Й. Хамм в вопросах датировки и локализации отрывка Гршковича также поступал по-своему, отнес создание памятника к более раннему периоду (конец XI – начало XII в.), чтобы он мог быть перемещен на северо-западную, т. е. хорватскую территорию (снова с формулировкой, которую «нельзя ставить под сомнение»: «нет объективных причин, которые могли бы отдалить его [Гршк.] от северо-западной территории...», Hamm 1952: 38), что уже было отмечено. Эту свою позицию он ничем не обосновал, а просто удовлетворился оценкой – что исследование Ягича „не было абсолютно точным“. Утверждение Хамма, конечно, не может быть поддержано, так как оно не основывается на каких-либо предоставленных доказательствах» (Трифуновић 2001: 28).

⁷ Связывать кайкавский Загреб (вместе с Неделищем на крайнем севере нынешней Хорватии, на границе со Словенией) с возможными центрами глаголической книжности на гораздо более отдаленном чакавском юго-западе нет оснований, и даже не будем здесь опираться на позицию Миклошича, согласно которой кайкавский диалект лингвистически относится к словенскому, а не к хорватскому корпусу (чтобы избежать дискуссии, которая не имеет отношения к нашей теме), достаточно указать на проясненную ситуацию в историографии, основанную на позитивных исторических и неопровержимых археологических свидетельствах: не существовало Паннонской Хорватии (см. Gračanin 2011), и, следовательно, непонятно, как случайная находка глаголического фрагмента глубокой древности, будь он сербским или хорватским, могла бы непосредственно касаться этой территории, которая в ранний период оказалась под прямой властью венгерской короны, без доказательств (непрерывного) присутствия глаголической письменности на ней. См., впрочем, здесь илл. 1, как называется язык, на котором был напечатан Tripartitum в 1574 году.

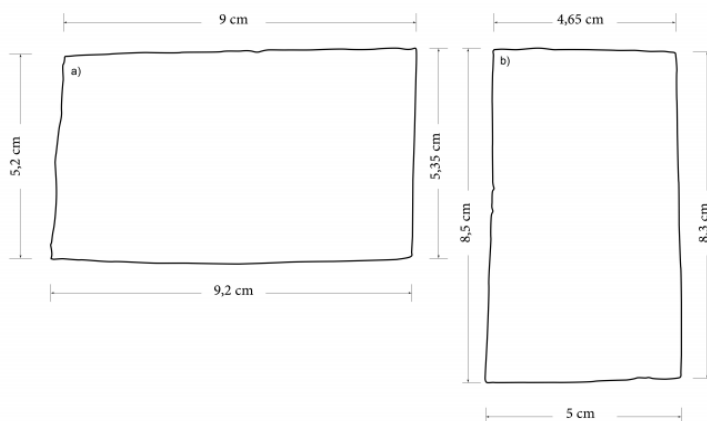
первой четверти года – Vat. Gr. 797 (Cleminson 2005). Клеминсон пришел к выводу, что происхождение этого памятника не может быть связано с хорватскими землями (однако он не решился указать, с какими именно оно связано – так же, как и Ягич избегал связывать глаголицу с Рашкой), несмотря на мнение Хамма – потому что памятник отражает прямой перевод с греческого (без латинского посредства), из чего следует, что он, вероятно, возник в «среде восточного обряда», и – кроме того – культ Симеона Столпника имел большое значение на Востоке, а не на Западе (там он почитался 5 января), и, поскольку он не зафиксирован в старых хорватских календарях, а его житие даже отсутствует в средневековой хорватской литературе, как и любые упоминания о нем. И Клеминсон не уточняет датировку отрывка, поскольку это «невозможно». Согласно ему, можно только сказать, что он возник после старославянской классической эпохи, в то время как в письменности все еще доминировала округлая глаголица (подробно об этом: Cleminson 2005).

3. Досье и описание памятника

3. 1. Досье. Под одной сигнатурой хранится внутри одинаково тщательно переплетенных обложек восемь единиц с непрерывной машинной фолиацией. В основном, это письма, в которых расшифрован глаголический текст и которые были направлены Фракною специалистами, к которым он обращался, а также сами отрывки – более поздние и более ранние: Fol. 1 – чтение глаголического текста с кириллической транслитерацией, написанной рукой Ивана Бойничича (старший отрывок); Fol. 2 – чтение глаголического текста Иваном Кукулевичем; Fol. 3 – письмо Ивана Кукулевича 1877 года (на немецком языке); Fol. 4 – черно-белые фотографии младшего хорватско-глаголического отрывка; Fol. 5 – три кусочка пергамента с хорватским глаголическим текстом позднего времени (упакованы в бумагу с запиской Ивана Бойничича), черно-белые фотографии отрывков; Fol. 6 – письмо Франца Миклошича с кириллической транслитерацией глаголического текста (конверт с небольшим двусторонним листом бумаги); Fol. 7 – чтение, написанное рукой Ивана Бойничича, транслитерированное кириллицей (младший отрывок); два фрагмента старшего глаголического отрывка – Будапештский глаголический отрывок (упакованы в бумагу с заметкой Ивана Бойничича). Отрывки

архивно обрабатывал [молодой] Иван Бойничич (в будущем уважаемый архивист), вероятно, по окончании старших классов гимназии в Будапеште (1876), когда он поступил на обучение праву и философии в том же городе (см. Király 1955: 312). Это видно из его собственных заметок на немецком языке: Fol. 5: „3 Fragmente einer Kroatisch-glagolitischen Handschrift aus dem XV–XVI. Jahrhundert.“; Fol. 8 „2 Bruchstücke einer bulgarisch-glagolitischen Handschrift. (sec. XIII–XIV).“, хотя он сам представил свое чтение с венгерским комментарием („Boynychich olvasása“). Младший писец затем архивировал и упорядочил весь материал, идентифицировав графитовым карандашом отдельные единицы (Fol. 2v «Kukuljević olvasása», Fol. 4 «Miklosich olvasása») и выписал обозначения двух старших пергаменных листов (старший «a», «b»), но без понимания, так как произошла перемена мест списков Бойничича (вероятно, это был венгр, который не знал славянской письменности); младшие листы были пронумерованы другой рукой, с помощью тупого графитового стержня („a.“, „b.“), ближе по времени к Бойничичу, потому что и он использовал точки после букв алфавита и скобки на листе, где имитировал оригинальное расположение отрывков и их чтение (описание досье см. Király 1955: 311–312).

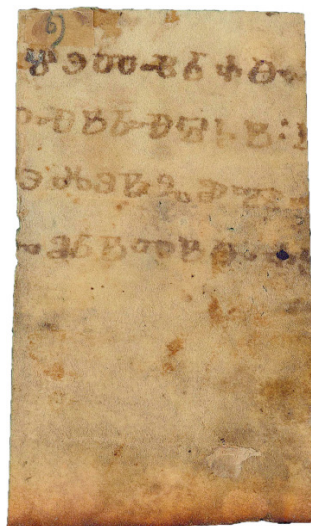
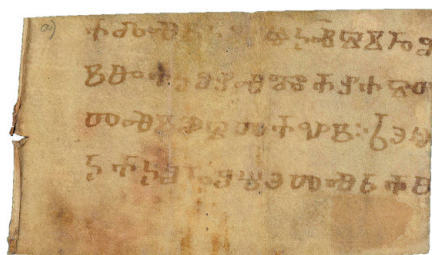
3. 2. Описание. Памятник сегодня представлен двумя фрагментами одного куска листа, на которых четко видно, что они представляли единое целое до физического разделения (это лучше всего видно по тому, что отдельные буквы разделены (см. Király 1955: 314), и вообще для описания отрывка по состоянию на середину XX в.), с нижней части пергаменного листа. Записанные части листа а) и б) изначально составляли, следовательно, один кусок пергамента (Király 1955: loc. cit.). Для написания использовался пергамен хорошего качества, средней толщины, желтоватого оттенка (у основания коричневого цвета (см. Király 1955: loc. cit.), который, возможно, из-за сухости лопнул по линии сгиба (или, как считал Кирай, это было сделано нарочно, чтобы получить две ленты для переплета старой печатной книги – Király 1955: loc. cit.). Поскольку, как говорит Кирай, пергамен был снят с обложки другой книги с помощью отмачивания, он теперь пятнистый, и отдельные буквы поблекли, что затрудняет чтение текста (Király 1955: loc. cit.). Для письма были использованы коричневые чернила (в некоторых местах поблекшие), писец не придерживался разлиновки страниц. Несмотря на нерегулярность написанных строк, а также на очень легкую неравномерность букв из-за их мелкого размера и типа глаголицы (круглая), текст выглядит гармонично. Парный полулист выглядит как горизонтальная кириллическая буква Г, которая заходит в нижнее междустроиче:

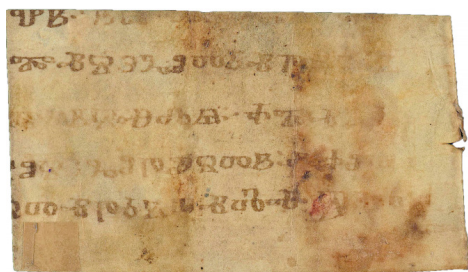
Илл. 6. Эскиз внешних контуров отрывка с размерами

Часть а) имеет размеры 9 см (верх) / 9,2 см (низ) × 5,2 см (с левой стороны) / 5,35 см (с правой стороны); часть б) 4,65 см / 5 см × 8,5 см / 8,3 см (первая часть имеет немного бо́льшие боковые стороны, а вторая часть немного уже, чем в описании Кирая – Kírály 1955: loc. cit.; Клеминсон округляет размеры до максимальных значений, Cleminson 2005). Как видно на снимке, части не являются идеальными прямоугольниками, а имеют слегка наклонные углы, неровные внешние края; отсюда различия в размерах и трудности в измерении. В сумме по ширине (механически) вновь соединенный отрывок сейчас имеет 14,2 см, а по высоте длинной части – 8,3 см. С лицевой стороны видно левое поле шириной около 1,5 см, тогда как с правой стороны текст обрезан. Для самого длинного недостающего фрагмента слова (-орит- из раз{{орит}}и) требуется, учитывая среднюю ширину букв и минимальные интервалы между ними, по крайней мере еще 2 см, чтобы его можно было полностью написать. Если добавим к этому и утраченный правый край, как минимум равный левому, то получаем гипотетическую первоначальную ширину в 17,7 см (минимально). Если серьезной обрезки не было, то первоначальная книга была небольшого формата – в четвертку⁸.

⁸ Клеминсон по-другому реконструирует первоначальные размеры как приблизительно 185×155 мм, что соответствует размерам Охридского Евангелия, 185×160 мм (Cleminson 2005).

Илл. 7. Фотография пергаменных фрагментов (лицевая сторона)

Илл. 8. Фотография пергаменных фрагментов (оборотная сторона)

4. Палеографические заметки

Этот памятник, как и большинство древних глаголических, *sine dato et loco*, как подчеркивает Петер Кирай (Király 1955: 313), и для его более точного пространственного и временного определения, в первую очередь, остается палеография, наряду с другими исследованиями. В своем анализе мы пользовались обзором Ягича, Вайса и Кульбакина, а также обзором из Кирилло-Мефодиевской энциклопедии и снимками глаголических рукописей с X по ранний XIII в. (Ягичъ 1911; Vajs 1932; Кульбакинъ 2008; КМЕ I, 1985: s. v. *Глаголица* (П. Илчев): 491–509). Петер Кирай провел скрупулезный анализ, сопоставив все буквы со свидетельствами других памятников, известных в его время (Király 1955: 315–323). Критиковать стоит только то, что он исключил из обзора те формы букв, в морфологии которых был неуверен, а также его иногда ненадежное определение происхождения конкретных южнославянских памятников.

Lautwert	Buchstobentypen				
	1	2	3	4	5
a ₁₁	ⲁ ₁	ⲁ ₂	ⲁ ₃		
b ₂	ⲃ ₁				
v ₂	Ⲅ ₁	Ⲅ ₂			
g ₄	ⲅ ₁	ⲅ ₂	ⲅ ₃		
d ₄	Ⲇ ₁	Ⲇ ₂	Ⲇ ₃		
e ₁₆	ⲇ ₁	ⲇ ₂	ⲇ ₃	ⲇ ₄	ⲇ ₅
ž ₄	Ⲉ ₁	Ⲉ ₂	Ⲉ ₃		
z ₄	ⲉ ₁	ⲉ ₂	ⲉ ₃		
i ₂₀	Ⲋ ₁	Ⲋ ₂	Ⲋ ₃	Ⲋ ₄	Ⲋ ₅
k ₇	ⲋ ₁	ⲋ ₂			
l ₃	Ⲍ ₁	Ⲍ ₂			
m ₈	ⲍ ₁	ⲍ ₂	ⲍ ₃	ⲍ ₄	
n ₃	Ⲏ ₁	Ⲏ ₂	Ⲏ ₃		
o ₁₂	ⲏ ₁	ⲏ ₂	ⲏ ₃		
p ₃	ⲏ ₁	ⲏ ₂			
r ₈	Ⲑ ₁	Ⲑ ₂			
s ₁₂	ⲑ ₁	ⲑ ₂	ⲑ ₃	ⲑ ₄	
t ₁₃	Ⲓ ₁	Ⲓ ₂	Ⲓ ₃		
u ₅	ⲓ ₁	ⲓ ₂	ⲓ ₃		
ch ₂	Ⲕ ₁	Ⲕ ₂			
st ₂	ⲕ ₁	ⲕ ₂			
c ₃	Ⲍ ₁	Ⲍ ₂	Ⲍ ₃		
š ₁	ⲍ ₁				
b ₁₉ b ₁	Ⲏ ₁	Ⲏ ₂	Ⲏ ₃	Ⲏ ₄	Ⲏ ₅
y ₄	ⲏ ₁	ⲏ ₂	ⲏ ₃	ⲏ ₄	ⲏ ₅
ž ₃	Ⲑ ₁				
Inter- punktion Zeichen für die Abkürzung	ⲑ ₁	ⲑ ₂	ⲑ ₃		

Илл. 9. Палеографическая таблица Кирая (Király 1955: 316)

Можно дать общую оценку, что письмо Будапештского отрывка является уставной глаголицей округлого типа последней фазы ее развития, зафиксированной в самом начале постепенного преобразования ее в «полуугловатую» глаголицу, до образования собственно угловатой (петли и круги в основном сохранили свой облик только «двадцатеричное и» встречается еще в виде двух противоположно ориентированных треугольников, как песочные часы, а л – более квадратной формы, см. ниже). Этот процесс происходил на территории южнославянского пространства и не ограничивался только юго-западными хорватскими регионами. Он развивался от юго-западной хорватской территории, через восточную – сербскую – до охридско-преспанского региона на юге, однако в остальной части пространства, где глаголица выходила из употребления и, возможно, перешла в тайнопись, сохранилась ее более старая, округлая форма (например, см. глаголические надписи и комбинированные глаголическо-кирилловско-греческие надписи в Апостоле из Архива САНУ, № 55, 1366/67 гг., зарегистрированные в литературе, например, Трифуновић 2001: 178). Буквы в памятнике в основном написаны одной рукой, старательно, но не одинаково аккуратно – скорее, можно сказать, что писец обладал определенным опытом, но без последовательного использования линейной системы (ср. Király 1955: 315). Буквы в основном обычного размера, только в исключительных случаях увеличены для обозначения малых инициалов (Р и Ћ). Нет лигатур и диакритических знаков, но не исключено, что они могли быть в утраченной части памятника. Из знаков пунктуации используются двоеточие и многоточие, а также прямое титло – только над одним словом (чѣ 1r₁).

Здесь встречаются буквы младшего типа, но есть и классические варианты; отметим, в частности:

- у буквы а также есть вариант с горизонтальной чертой на верхушке вертикали (и без нее) и с изгибами на перекладине (как в Мюнхенском алфавитаре и Венских листках);
- буква б с основанием, изогнутым вниз, а не с хвостом, как позднее;
- буква в имеет две петли, а не два круга;
- буква д, помимо обычной формы, также имеет деформированную (см. ниже);

- у буквы *е* горизонтальная черта в середине полуокружия (как в Венских листках), без удвоения на другую его сторону;

- у буквы *ж* также есть вариант с петлями, выступающими вверх (как в отрывке Гршковича и в Венских листках);

- буква *и* (только «двадцатеричное»), помимо классического варианта, представлена также с верхним треугольником, смещенным влево, или как соединение двух треугольников;

- у буквы *л* формы скорее квадратные чем округлые, а помимо закрытой верхней петли, встречается и открытая;

- у буквы *ц* классическая форма, и на черно-белых снимках можно увидеть широкий вариант без центральной соединительной линии, похожий на тот, что встречается в Мюнхенском алфавитари (1v_{2.1}), но невооруженным глазом и на новых снимках (в цвете) видно, что это обычное *ц*, и даже Кирай не упоминает отдельный вариант в палеографическом обзоре; для более широкого классифицирования важен факт, что здесь нет кириллической или латинской замены *ц*;

- у буквы *п* нет левой засечки на мачте;

- у буквы *р*, помимо обычной формы, есть также несколько деформированная (см. ниже);

- у буквы *х* (*у*) тонкая правая часть, но и без крючка с этой стороны (как в отрывке Гршковича);

- у буквы *ѣ* несколько вариантов (это наименее устоявшаяся буква), в основном с петлей на крючке с левой стороны, с основной фигурой, которая варьируется от удвоенных кругов до песочных часов и пополам разрезанной прямоугольной или серповидной формы (для деформированного вида см. ниже); в одном случае есть смешение с буквой *ь* (см. § 5); оба варианта участвуют в образовании одного типа «еры», *ѣи*;

- буква *ѣ* со срезанным верхом (как в Пражских листках, Мюнхенском алфавитари, отрывках Гршковича и Михановича).

Неожиданно для опытного писца появляются несколько деформированных букв, что может означать, что в его практике или школе они были частью репертуара букв. Кирай не учел эти дополнительные варианты:

- деформированное *д*, состоящее из вертикально ориентированного треугольника, на который накладывается круг (похоже на перевернутую форму «двадцатеричного *и*», см. выше; но как оно

было написано изначально, неизвестно из-за повреждений): поустѣ : да ѿ[?]- (1v_{4.18});

- деформированное р напоминает классическое «двадцатеричное и» с кругом и треугольником в центре: т[р]ѣп[ѣти] (1v_{2.16});

- дезинтегрированный ъ по общему впечатлению напоминает «паукоподобное х» из Мюнхенского алфавитария, ѣ (Кириай трактовал правое угловое продолжение буквы как двоеточие в издании, но на глаз и на снимке видно, что это разлитая единая буквенная форма): -||[н]||.ѣтъ (1v_{5.3}).

а		п	
б		р	
в		с	
г		т	
д		ѿѹ	
е		х	
ж		щ	
з		ѣ	
и		ш	
к		ѡ	
л		ѣ	
м		ѣ	
н		пункт.	
о		титла	

Илл. 10. Азбучная таблица букв Будапештского глаголического фрагмента

С точки зрения начертания букв, Будапештский фрагмент находится на той же стадии развития глаголицы, что и Мюнхенский алфавитарий, который старше по составу и некоторым формам; он стоит между Апостолами Михановича и Гршковича; его графика приближается также к графике Венских листков (но степени движения к более угловатой форме последние два отрывка не достигли, Cleminson 2005); более отдаленную параллель составляют и Пражские листки, но глаголица Будапештского отрывка все же принципиально ближе к так называемому не вполне округлому типу (как в Пражских и Киевских листках), чем к угловатой или округлой, см. Király 1955: 323). Мы согласны с Кириаем, что Будапештский отрывок по палеографическим признакам – с учетом общей относительной хронологии известных памятников – не может быть моложе конца XII в. (Király 1955: 323, 332).

5. Орфография и язык

Анализируемый глаголический отрывок написан одноеровой орфографией (с Ъ). Только в одном месте, в слове ѡрѣѡи (1v_{1.8}), по мнению Петера Кирая, написан ѣ (Király 1955: 320, 324), однако диакритическая черта оканчивается утолщением, а не черточкой, так что и здесь можно говорить о Ъ. Однако знак ѣ, даже если здесь и встречается, не может считаться самостоятельной буквой, а лишь вариантом буквы ѡ, поскольку писец не контролирует употребление различных знаков, а смешивает их (ср. Cleminson 2005; Király 1955: 324–325, 327). Ъ пишется путем комбинирования ѡ и и. Эти две особенности включают наш памятник в одну группу не только с отрывком Апостола Гршковича и с младшим почерком Киевского миссала, идентифицированного в синайской Димитриевой псалтыри и в других рукописях, но и с кириллическими надписями в монастыре Студеница 1208/1209 г., в отличие от хорватских глаголических памятников, в которых эта черта отсутствует (ср. Király 1955: 324 – примечание 25, 331; ср. Jagić 1893: 41–42, 96–101)⁹. Ъ последовательно сохраняется во всех слабых позициях (ср. Király 1955: 325), что связывает памятник с более древними периодами. Характерно также отсутствие так называемой старославянской вокализации (ср. Cleminson 2005), что может быть признаком чисто сербского извода. Ъ сохраняется в соответствии с этимологическим правописанием, однако заменяется обычным «и» в позиции после велярного согласного к (къи > ки): манастиръски (1r₂), как это имело место в Мировославовом Евангелии после к, г, х (точнее, в его непосредственном источнике или призренско-южноморавском протографе), а также в глаголическом отрывке Ланта из Октоиха второй половины XI в., привезенном с Синая (палимпсест на восьми страницах, РНБ, № Q. п. I. 64), также сербского происхождения¹⁰. Утрата Ъ, впрочем,

⁹ Противоположную точку зрения представляет Курц, убежденный, что первая страница Киевского Миссала и отрывок Гршковича – хорватские глаголические памятники (Kurz 1957: 413). О отрывке Гршковича см. здесь § 2, примечание 6, с указанием на литературу; о первой странице Киевского Миссала см. (Савић 2019: 15–18, 59–87, 91–110).

¹⁰ Отрывок Ланта требует дополнительного изучения, поскольку палеографически он напоминает Охридский Апостол, отрывки Гршковича и

на центральных сербских территориях происходила фонологически обусловленно и значительно раньше, чем на востоке южнославянского языкового ареала. К сожалению, в тексте нет примеров, в которых можно было бы ожидать «юсы» или их аналоги (ср. Király 1955: 324), так что этим путем нельзя окончательно развеять сомнения в его восточноюжнославянском (македонском) происхождении (ср. Cleminson 2005); хотя – то же самое, более глубокое происхождение (в предыдущих поколениях) в любом случае не исключено. Последовательно проведена графическая дисьюнция: лю (> лѹ): лѹбо × 2 (1v_{3,4}) (ср. Király 1955: 325), однако она не имеет опоры в реальном произношении, как полагал Кирай (Király 1955: 327). Это характерно для сербской письменности глаголическо-кирилловского правописания (упрощение происходит на сербской почве в XI–XII веках (Савич 2019: 300), например, в Мирославовом евангелии (около 1165 г.)) и в Учредительной грамоте монастыря Хиландар, выданной Стефаном Неманей (1198/1199 г.) (для сербских кириллических и некоторых болгарских памятников см. Cleminson 2005), а также в более поздних западносербских памятниках, где сохраняется тот же тип правописания (в литературе ранее неоправданно называвшийся «хумско-боснийский» и «зето-хумский»). Конкретный случай разъяснил Александр Белич: опираясь на букву *ѥ*, которая употреблялась в глаголической системе как обозначение и для *e*, и для *ě*, само сочетание *лѹ* стало обозначать два значения – *у* и *ю*, например, в слове *лѹдиѣ* (Белић 1936: 222). Пунктуация относится к старому типу: только две и три точки (см. § 4; то же в Октоихе Ланта).

В таком небольшом тексте с рядом неразборчивых слов и отдельными повторами можно выделить еще лишь несколько бросающихся в глаза черт. Первая – это написание наречия *сѣдѣ* с «ятем» в окончании *-dě*: *сѣдѣ* (1v₃), что особенно характерно для сербских рукописей (поэтому он иногда называется «сербским ятем», в истории сербского разговорного языка – «привитым ятем», Vuković 1974: 79–81), что отметил еще Кирай на основании данных из Лексикона Миклошича (Király 1955: 325, примечание 31; ср. Kurz 1957: 413; Cleminson 2005). Наиболее примечательно написание слова *игумен* («настоятель в православном монастыре») с *Ѣ* на месте греческой

Михановича, Венские и Пражские листки. Таким образом, отрывки Ланта и Будапештский могли бы принадлежать к одной и той же группе памятников.

буквы «эпсилон» (ΙΓ₃), ἡγοῦμ-ε-voς. К сожалению, слово обрывается посередине на ηγοῦμ-, вместе с другими словами по той же строке, где был утрачен край пергамена (в правом столбце с лицевой стороны). Еще Петер Кирай по смыслу пришел к выводу, что здесь идет речь о слове *игумен* (Király 1955: 326, 327), и это подтвердил текстологический анализ Иоханнеса Райнхарта и А. А. Турилова: на данном месте в сравниваемых рукописях встречаются только архимандрить и ηγοῦμενъ (Райнхарт, Турилов 1989–1990: 41, разночтение 9). При непосредственном осмотре de visu мы установили, что за буквой ι на оставшемся пространстве видна крупная закругленность, которая может принадлежать только Ъ: ηγοῦμ{ъ}{нъ}} (ср. Kírály 1955: 329), а не: (1) слегка наклоненной вверх черточке, которая принадлежала бы букве ε; (2) из-за остатка продолжения, на конце которого находится эта закругленность, нельзя говорить и о Ѧ (глагол. ε). С этим наблюдением согласен и Клеминсон, утверждая, что реконструированная форма несомненно принадлежит сербским и хорватским источникам (Cleminson 2005), как это установили ранее Райнхарт и Турилов, приписав эту форму сербскому или хорватскому изводу церковнославянского языка (Райнхарт, Турилов 1989–1990: 38 и примечание 8). О чем на самом деле идет речь? Только на западе южнославянской территории возможна (спорадическая) замена греческого «эпсилона» славянским унифицированным редуцированным переднего ряда – из-за их схожего вокального произношения. А именно, на этой территории два редуцированных были сведены в один, теряя взаимное различие (для конкретного слова ηγοῦμενъ важно и непосредственное голосовое окружение: в старосербском языке различные греческие гласные были адаптированы славянским редуцированным в соседстве с сонантом, что также произошло с греческим ἡγοῦμενος, Поповић 1955: 126–127). На протяжении веков на этом пространстве этот редуцированный принадлежал переднему ряду, и, следовательно, была выполнена замена греческого гласного славянским гласным с аналогичным звуковым значением, относительно ε : ѣ (приблизительно æ)¹¹. О первоначальных значениях красноречиво свидетель-

¹¹ Чтобы была возможна замена редуцированного на вокал *a* (что до конца не разъяснено в существующей литературе), постепенно, прежде всего, должна была измениться позиция редуцированного в вокальной системе, и поэтому характерная сербская вокализация, которая в любом случае намного

ствуют два примера, широко зафиксированные в сербских источниках, особенно когда противопоставляем номинатив зависимым падежам, например, генитиву, где новый редуцированный исчезал из-за слабой позиции (как в старославянских памятниках): игуѣмънь (ст.-слав. игуѣмънь, SJS I: s. v.), игуѣмъна; мѣть (ст.-слав. мѣть, SJS II: s. v.), мѣта (этот, второй пример, до сих пор не был правильно объяснен с точки зрения этимологии, так как наряду с *тець реконструировано и псл. *тьсь, ЭССЯ 18: s. v.). В более позднее время под воздействием аналогии и здесь в косвенных падежах будет обобщена номинативная основа, без утраты вторичного редуцированного: игуѣмъна, мѣта¹². Некоторые памятники свидетельствуют о региональном сохранении представленных артикуляционных отношений и намного позже, и даже об индивидуальном записывании некоторых слов таким образом. В знаменитом Типике архиепископа Никодима, написанном после перевода 1318/1319 гг. то же самое явление фиксируется даже в позиции этимологического «ять», например, лѣствица > лъствица (например иже въ лъствици 113v.10, ТН: 113б), с достаточным количеством подтверждений. Тот факт, что в Будапештском отрывке слово игуѣмънь пишется через Ъ, как игуѣмънь, не представляет никаких препятствий, поскольку речь идет об обычной орфографической конвенции в способе репрезентации редуцированных переднего ряда. Когда сербские писцы больше не могли различать редуцированные между собой, по сути было все равно, как они будут писаться. Именно в памятниках с территории Рашки из XII в. мы видим сдвиг в рамках одноерового правописания, закончившийся в начале второй половины того столетия (мы увидим это, если, например, сравним отрывок Апостола Гршковича и Евангелие Мирослава; см. Савић 2019: 178–179, о Боснии 317, см. Станишић 2016: 303). Местами все еще будет сохраняться орфография с Ъ, например, в монастыре Студеница в начале XIII в. (см. Трифуновић 1986).

позднее старославянской, задержалась до конца XIV века. Отсюда в слове игуѣмънь после этого времени в сербском языке появился вариант *игуман*.

¹² Параллельно сохранились и первоначальные отношения. В сербском народном языке в первой половине XIX в. Вук Караджич фиксирует обе парадигмы: игуман (gen. игумна и игумана) m. (ἡγουμένος) der Igumen eines Klosters, hegumenos coenobii (Вук 1818: s. v.).

6. Издание текста

Все предыдущие издания сходятся в чтении основного текста и в этом смысле остаются актуальными. Издание Кирая выполнено гражданской кириллицей с включенными реконструкциями в основном тексте и отдельными комментариями к проблемным местам (Király 1955: 327–329). Издание Райнхарта и Турилова основывается на издании Кирая (поэтому те же принципы применяются к основному тексту), но транслитерация выполнена церковной кириллицей, а в критическом аппарате компактно представлены разночтения из семи схожих источников (шесть рукописей: ГИМ, Син. 836 (1296 г.), ЦГАДА Тип. 53 (вторая половина XIV в.), JAZU IIIc24 (последняя четверть XIV в.), ГИМ Чуд. 20 (конец XIV в.), МГУ Пермск. 817 (XVI в.), НБКМ 300 (начало XVI в.) и Великие Четьи-Минеи Макария в издании 1868 г.), на основе чего была проведена текстологическая оценка отрывка (Райнхарт, Турилов 1989–1990: 41–42). Издание Клеминсона – цифровое глаголическое, также с реконструкциями, включенными в основной текст, но без сопроводительных комментариев, с разъяснением принципов издания (Cleminson 2005). В нашем издании мы возвращаемся к кириллической транслитерации в церковной графике. Отличие от предыдущих изданий заключается в принципе: в основном тексте приводятся только видимые части текста, тогда как нечитаемые и утраченные фрагменты, реконструируемые по смыслу (из ближайшего контекста), вынесены в критический аппарат с помощью числовых надстрочных знаков – вместо ранее дававшихся комментариев. Таким образом, наглядно представляется читаемость отрывка (то есть видимость невооруженным глазом) на день нашего непосредственного ознакомления с его состоянием в библиотеке «Сечени» (17 октября 2024 г.); остальные комментарии считаем излишними, поскольку отличная текстологическая оценка уже была проведена, а фотографии, которые мы прилагаем, сделанные всего месяц спустя после нашего посещения библиотеки, дают хорошее представление о физическом состоянии отрывка, то есть о степени его читаемости, и одновременно служат основой для проверки нашего прочтения. В тексте физические перерывы обозначены вертикальными чертами (одна | – окончание строки, (1) физический, из-за разрыва пергамента, (2) в написании; двумя || – окончание всего фрагмента, по нижнему краю; в случае

физического разрыва, буква, которая разрушилась, размещается на той стороне, где ее большая часть). В фигурных скобках {} находятся буквы и вспомогательные знаки, видимые *de visu*, в двойных скобках {{}} – то, что в целом невозможно прочесть. Некоторые знаки спорны по своему виду, о чем см. в палеографическом анализе.

||^{[1r]a} адъ{нко}⁽¹⁾ чкъ си хо^b шеть раз|{{...}}|-
 н⁽²⁾ за{к}онъ манастирънрскн : {н|{{...}}}⁽³⁾
 тън оустави : Рет|е же нгоу{мъ}{{...}}⁽⁴⁾
 како хошетъ раз|орнти за{к}{{...}}⁽⁵⁾
 ||^[1v] {{...}}^b{.} {е|стъ} · чр{ъ}^aвн {· н..}⁽⁶⁾ {{...}}
 |...мъ не може|мъ сего т{р}ъп{ъ}ти
 |{л}оуко сего н|м{ъ}н с{ъ}дъ : а м{ъ}{{...}}⁽⁷⁾
 |{{...}}|{д}емъ⁽⁸⁾ : лоуко {сего} поусти : да о{?}-
 |{{н}}|.етъ⁽⁹⁾ нже ес|тъ пришлъ : {с..{{...}}}⁽¹⁰⁾

(1) {{в|}}|адъ{нко} // (2) раз|{{орнт}}|н // (3) {н|{{же}}|} // (4) нгоу{мъ}{нъ} //
 (5) за{к}{{онъ}}| // (6) {н|мъ?} // (7) м{ъ}{{н}} // (8) {{оти}}|{д}емъ // (9) о{т}|{{н}}|{д}етъ //
 (10) {с|е ж|{{е}}|}

7. Заключение

До недавнего времени о южнославянских глаголических рукописях автоматически говорилось только как о памятниках с хорватского запада или болгарско-македонского востока, как будто в сербской среде не было глаголицы, что прежде всего логически, а затем и научно несостоятельно (о глаголице у сербов см. Трифуновић 2001; Савић 2019). Даже Петер Кирай в своем добротном исследовании, под влиянием литературы, в своих рассуждениях колебался между двумя возможностями: округлой болгаро-македонской и угловатой хорватской глаголицей, хотя он ясно пришел к выводу, что, судя по внешнему виду и строению букв, памятник «не принадлежит ни

угловатому хорватскому, ни округлому болгарско-македонскому типу письма» (Király 1955: 321)¹³.

Если бы мы имели дело с изолированными, единичными чертами, можно было бы оставить более широкое пространство для дискуссии о происхождении Будапештского отрывка; однако речь идет о сочетании особенностей, которые в конкретной комбинации характеризуют сербскую рукописную традицию. Прежде всего, это восточно-христианский характер текста – в XII в. прикрепленный к самой западной православной церковной организации со славянским богослужением (наряду с греческим), византийскую архиепископию

¹³ Ральф Клеминсон удачно заметил, что авторы после Кирая включали памятник в хорватский корпус прежде всего из-за «сильной связи (strong association) глаголицы с Хорватией» (Cleminson 2005), или, другими словами, потому что Хорватия приходит первой на ум, когда речь идет о глаголических памятниках с западно-южнославянского пространства; в своей основе такое заключение не согласуется с принципами, на которых основывается наука. Однако еще В. Ягич во второй половине XIX в. прошел этот путь (очевидно, с какой-то идеей, позднее пересмотренной). Говоря об отрывке апостола Михановича, он колебался между возможностями существования только «болгарской и хорватской глаголицы» (под «болгарской» здесь прежде всего подразумевалась территория Македонии), и в заголовке своего издания отрывка Михановича вводил и подзаголовок «рукопись рода хорватского» (1868), но уже тогда не был уверен в этом, поскольку данный отрывок представлял собой особый тип Апостола (апракос), связанный с православным обрядом, о котором нет доказательств, что он когда-либо был среди хорватов (см. Савић 2019: 189–190). Четверть века спустя в работе об отрывке Гршковича, также православном памятнике, Ягич явно изменил свое мнение (Савић 2019: 195), теперь ему было ясно, что это сербский памятник (см. здесь примечание 6), и он подчеркивает свою убежденность, что, помимо «македонских» памятников (теперь он отказался от термина «болгарский»), на гораздо более широком сербском пространстве также существовали и сербские: «как будто земля между Дравой, Савой и Шар-планиной не участвовала в этом деле» (т. е. в написании глаголических памятников с юсами), «о которых до сих пор ошибочно думают, что все они были написаны где-то в Македонии» (Ягич 1893: 103). К этому мнению Ягича присоединились и Вацлав Вондрак и Йозеф Курц (см. здесь примечание 4).

всей Болгарии и Юстинианы Примы, технически называемую Охридской архиепископией (о границах и характере этой церковной организации на сербской территории см., например, Коматина 2016: 101–123), на что накладывается природа и происхождение текста (Житие св. Симеона Столпника, распространенное в Восточной церкви, без следов почтения в старой хорватской литературе, в отличие от сербской). Затем, есть палеография, которая размещает фрагмент в преимущественно сербскую глаголическую группу («между македонскими и хорватскими памятниками»); затем одноеровое правописание, типичное для сербской традиции, с ЪІ в позиции, которая в палеославистике стала известна на материале сербского Мирославова Евангелия (кн, [гн, хн]; о возможном происхождении этой черты см. § 5), ЪІ написанное специфической комбинацией (ън), а также правописная «дисйотация», которая также характерна для Мирославова Евангелия и ряда других сербских памятников (лѡу)¹⁴.

Наибольшее внимание привлекает слово *нѡуѡмънъ* (в старославянской традиции *нѡуѡмънъ*), которое указывает на системную зависимость от унификации редуцированных, характерную для сербского языкового пространства на ранней стадии развития этой особенности (в приближенном произношении: *игумен*). Насколько неубедительно приписывание Будапештского отрывка западнохристианской, хорватской традиции, видно по тому, что во всей хорватской письменности, если судить по картотеке Старославянского института в Загребе, нет ни одного подтверждения слова *игумен*, кроме как из нашего отрывка (см. Райнхарт, Турилов 1989–1990: 38, примечание 8); с другой стороны, оно имеется в избытке во множестве сербских памятников, о чем свидетельствуют и словари (например, Даничич I: s. vv. *нѡуѡмънъ* и *нѡуѡмънъ*; например, только в Типике архиепископа Никодима слово встречается 33 раза, помимо прилагательного *нѡуѡмънѡвъ* и существительного *нѡуѡмънѡ*; RJAZU III: s. v. *iguman*, и т. д.). Это не удивительно, поскольку монастыри на Западе возглавляют «опаты», а не «игумены». В хорватской традиции это *опать*

¹⁴ Наличие этой орфографической черты в хорватских памятниках (см. Райнхарт, Турилов 1989–1990: 38–39) не может рассматриваться как изолированный факт, она не развилась в них автохтонно, а была заимствована из сербских протографов на непрерывном пути книги, которая достигала хорватских земель с юго-востока славянского мира.

или апать (RCJHR 3: s. v. апать), а также в части сербской традиции (см. Даничић II: s. v. апать), так как большая часть сербского народа до формирования Охридской архиепископии была преимущественно в западной церковной сфере, с частями и остатками, которые сохранялись на протяжении всего Средневековья и до сих пор. То же можно сказать и о существительном *монастирь* (< греч. *μοναστήριον*), косвенно засвидетельствованном через прилагательное (*монастирьски*), поскольку оно соответствует восточнохристианской традиции среди южных славян, а на западных территориях *molstir* (< балканский латинский **molistīrium* < греч., Лома 1990: 5–6, см. Skok II: s. v. *monastir*), среди хорватов, в чакавских диалектах (Miklosich 1876: 19; Лома 1990: 5), в хорватских глаголических рукописях XIII–XVI вв., *молстирь* (Miklosich 1865: s. v. *монастырь*, Skok II: loc. cit.), но также рано и в старосербских рукописных источниках как топоним, в XIII в. (Skok II: loc. cit.; Лома 1990: loc. cit.).

С одной стороны, мы имеем общие южнославянские черты, с другой – западноюжнославянские, с третьей – принадлежность памятника православной традиции; такую комбинацию имеют только сербские памятники XII в. с территории Охридской архиепископии, причем речь идет не о всей сербской территории, а о довольно узко ограниченной области, в тогдашнем смысле слова – Рашка и более широко, но без Боснии, Хума и Диоклитии (см. карту, например, у Коматина 2016: 122).

ЛИТЕРАТУРА

- Белић – Белић А. Учешће св. Саве и његове школе у стварању нове редакције српских ћирилских споменика // Светосавски зборник. 1. Расправе. Београд: СКА, 1936. С. 211–276.
- Вук 1818 – Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским ријечма. Скупио га и на свијет издао Вук Стефановић. У Бечу: gedruckt bei den P. P. Armeniern, 1818.
- Даничић I–III – Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских / Приредио Ђорђе Трифуновић. Београд: «Вук Караџић», 1975 [1863–1864]. Т. I–III.
- КМЕ – Кирило-Методиевска енциклопедия. София: Институт за литература БАН, 1985–2003. Том I–IV.
- Коматина – II. Коматина. Црква и држава у српским земљама од XI до XIII века. Београд: Историјски институт, 2016.

- Кульбакин 1925 – *Кульбакин С. М.* Палеографска и језичка испитивања о Мирослављевом јеванђељу. Сремски Карловци: СКА, 1925.
- Кульбакинъ 2008 – *Кульбакинъ С. М.* Славянская палеография / Приредили Гордана Јовановић, Радмила Ковачевић, Виктор Савић. Бѣлградъ: Институт за српски језик САНУ, 2008 [рукопис 1928–1932 гг.].
- Лома 1990 – *Лома А.* Рани слојеви хришћанских топонима на старосрпском тлу // Ономатолошки прилози. Београд, 1990. Књ. XI. С. 1–18.
- Поповић 1955 – *Поповић И.* Грчко-српске лингвистичке студије. III. Проблем хронологије византиских и новогрчких позајмица у српском језику // Зборник радова Византолошког института. Београд, 1955. Књ. 3. С. 117–157.
- ПЭ – Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000 – Т. 1 –.
- Райнхарт, Турилов 1989–1990 – *Райнхарт Й., Турилов А. А.* Будапештский глаголический отрывок: древнейший славянский список жития Симеона Столпника // Slovo. 1989–1990. Sv. 39–40. S. 37–44.
- Савић 2019 – *Савић В.* Српска књижевна реч у својим првим столећима. Подгорица; Ниш: Матица српска – Друштво чланова у Црној Гори; Међународни центар за православне студије, 2019.
- Савић 2024 – *Савић В.* Будимпештански глагољски одломак: најстарији српски писани споменик у Мађарској // Српски календар за просту 2025 годину. Будимпешта, 2024. С. 74–76.
- Савић 2025 – *Савић В.* О западној грани српскословенске писмености. Београд: Чигоја штампа; Институт за српски језик САНУ, 2025.
- Станишић 2016 – *Станишић В.* О старини једнојеровог правописа у словенској писмености // Стефан Немања – преподобни Симеон Мироточиви. Зборник радова. Београд; Беране: Институт за историју уметности Филозофског факултета у Београду, Митрополија црногорско-приморска, Епархија будимљанско-никшићка, Институт за српски језик САНУ, 2016 [2020]. Т. I. С. 299–306.
- ТН – Типик архиепископа Никодима. Српскословенски разрешио Лазар Мирковић / Приредио Ђорђе Трифуновић. Београд: Чигоја штампа, 2007. Књ. II.
- Трифуновић 1986 – *Трифуновић Ђ.* О најстаријим натписима у Богородичиној цркви манастира Студенице // Православље. Осам векова Студенице, 15. мај 1986. Год. XX. Бр. 460. С. 10–13.
- Трифуновић 2001 – *Трифуновић Ђ.* Ка почецима српске писмености. Београд: Октоих, 2001.

- Ягичъ 1911 – *Ягичъ И. В.* Глаголическое письмо // Энциклопедія славянской филології. Графика у Славянъ, III. Санктпетербургъ: Типографія Императорской академіи наукъ, 1911. Вып. 3. С. 51–262.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М.: Институт русского языка АН СССР / РАН, 1974 –. I –.
- Cleminson 2005 – *Cleminson R. M.* The Budapest Glagolitic Fragments // The Unicode XML edition. Second edition, 2005-04-12: <https://www.obshtezhitie.net/texts/bgf/uni/bgf.xml> [2001: 1999].
- DGSC 2000 – *Lipovčan S.* (ur.). Discovering the Glagolitic Script of Croatia: Exhibition in Trinity College Library (Long Room). Zagreb: Erasmus Publishers, 2000.
- EJ – Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb: Leksikografski zavod FNRJ, 1955–1971. Knj. 1–8.
- Gračanin 2011 – *Gračanin H.* Kužna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju (od konca 4. do konca 11. stoljeća). Zagreb: Plejada, 2011.
- Hamm 1952 – *Hamm J.* Datiranje glagoljskih tekstova // Radovi Staroslavenskog instituta. Zagreb, 1952. Knj. I. C. 5–72 + 1–8.
- Hamm 1957 – *Hamm J. P.* Király, Das Budapester glagolitische Fragment. Studia slavica Academiae Scientiarum Hungaricae I, fasc. 4, Budapest 1955 // Slovo. 1957. Sv. 6–7–8. C. 377–379.
- Jagić 1893 – *Jagić V.* Grškovićev odlomak glagolskog apostola // Starine JAZU. Zagreb 1893. № 26. C. 33–161 + I–VIII.
- Király 1955 – *Király P.* Das Budapester glagolitische Fragment // Studia slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1955. T. I. Fasc. 4. S. 311–332.
- Kurz 1957 – *Kurz J.* Király P., Das Budapester glagolitische Fragment. Herrn Professor Josef Vajs zum 90. Geburtstag gewidmet. Studia slavica Academiae Scientiarum Hungaricae, tomus I, fasciculus 4, Budapest 1955. 313–332. Separatum // Slavia. Praha, 1957. № 26. S. 410–413.
- Lietzmann 1908 – *Lietzmann H.* Das Leben des heiligen Symeon Stylites [...]. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1908.
- Lunt 1958 – *Lunt H. G.* On Slavonic Palimpsests // American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. 'S-Gravenhage, 1958. P. 192–209.
- Miklosich 1865 – *Miklosich Fr.* Lexicon Palaeoslovenico-graeco-latinum. Emendatum auctum. Aalen: Scientia Verlag, 1963 [Vindobonae, 1862–1865].
- Miklosich 1876 – *Miklosich F.* Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung // Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische classe. Wien, 1876. Bd. 24. S. 1–58.

- RCJHR – Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije. Zagreb: Staroslavenski zavod Hrvatskoga filološkog instituta / Staroslavenski institut, 1991 –. Sv. 1 –.
- RJAZU – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1880–1976. Knj. I–XXIII.
- SJS I–IV – Slovník jazyka staroslověnského. Praha: Nakladatelství ČAV, 1958–1997. T. I–IV.
- Skok I–IV – *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: JAZU, 1971–1974. T. I–IV.
- Vajs 1932 – *Vajs J.* Rukověť hlaholské paleografie. Uvedení do knižního písma hlaholského. V Praze: Slovanský ústav, 1932.
- Vuković 1974 – *Vuković J.* Istorija srpskohrvatskog jezika. I. Uvod i fonetika. Beograd: Naučna knjiga, 1974.

Viktor Savić

University of Belgrade – Faculty of Philology, Serbia
Institute for the Serbian Language of SASA, Belgrade, Serbia

Budapest Glagolitic Fragment: New Perspectives

In the National Library of Hungary “Széchényi” in Budapest, under the signature Duod. Eccl. Slav. 2, there is a Glagolitic fragment written in an older type of Glagolitic script (before the appearance of the so-called angular type). The fragment was discovered by Vilmos Fraknói (around 1876), possibly in the binding of a copy of Werbőczy’s *Tripartitum*, a Kajkavian-Slovenian translation (printed in 1574). The fragment was thoroughly analyzed and first published by Peter Király, a Hungarian slavist (1955). He associated it with the Macedonian or Serbian tradition, possibly even the northern, Moravian one, but not the Croatian tradition, tentatively dating it between the 11th and the first half of the 12th century, believing it must have been created before the end of the 12th century. In his review of Király’s study, Josip Hamm linked the fragment to the Croatian tradition (1957), and since then, influenced by Hamm’s authority, most scholars have viewed the monument in this light, until Ralph Cleminson disputed this due to its Eastern liturgical affiliation, without clearly determining which tradition it truly belongs to (2005). In this research, the monument was examined on-site in Budapest, and then digital images were used to prepare the text. The archival dossier in which the monument is kept has been presented, along with its

description, a new edition (based on the current condition of the monument) has been prepared, and paleographic, orthographic, and linguistic analysis has been conducted. The context has been established, and the cultural-historical circumstances in which the monument could have originated have been determined. The widespread belief that Glagolitic was not used in Serbian lands has been challenged, which has generally led to the avoidance of considering the possibility that Serbian literacy could be the environment in which it, possibly, originated. Then all the arguments were outlined: the monument belongs to the Eastern Christian tradition, which until the end of the 12th century was associated with the jurisdiction of the Byzantine Ohrid Archbishopric in the corresponding region, under which the Serbs (largely) were, but not the Croats; the text, according to A. A. Turilov's identification (1989), is an excerpt from the Life of St. Simeon the Stylite – widespread in the Eastern Church (and in Serbian literature, but not in Croatian literature); the terminology is Eastern Christian – *игѹмънѣ*, *манастиръѣ* (the only example of the lexeme *игѹмънѣ* in the corpus for the *Rječnik crkvenoslavenskog jezika hrvatske redakcije* comes from this monument, Reinhart–Turilov 1989–1990); the orthography is with a single yer, which is typical of Serbian literacy; “jery” is substituted with the regular “i” in positions after velar consonants, characteristic of some of the oldest Serbian monuments associated with the southeastern region; “jery” is written in a manner typical of some of the oldest Serbian monuments (*ѣн*); orthographic dysototation (*лѹѣ*) also characterizes ancient Serbian orthography (in Croatian tradition, likely borrowed from Serbian monuments); the word *игѹмънѣ* is written with the substitution of the Greek “epsilon” with the Slavic “semi-vowel” (in the orthography with a single yer, the use of “soft yer” has no connection with a specific semi-vowel pronunciation – hard or soft, but is simply a convention, since Serbian scribes could no longer etymologically distinguish between the “yers”). This recorded word (in approximate pronunciation: *igumæn*) could only be possible in the West-South Slavic area, and given the overall circumstances – on Serbian terrain. Therefore, the Budapest Glagolitic fragment could have only originated somewhere in the Serbian lands under the jurisdiction of the Ohrid Archbishopric – that is, in Rascia or the broader area, but not in Bosnia, Hum, or Dioclea, in the 12th century, and given the ongoing changes in orthography, most likely in the early third quarter of the 12th century.

Key-words: Budapest Glagolitic Fragment, Glagolitic script, history of the Serbian language, history of Serbian writing, paleography, Byzantine Archbishopric of Ohrid